

щений в зависимости от предмета преступного посяательства (например, подотчетных сумм) и отрасли народного хозяйства (в государственной торговле, строительстве и органах связи). Такой подход оказался плодотворным и получил свое дальнейшее развитие в последующих научных разработках методики расследования хищений.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в развитии правовых представлений об экономических преступлениях в анализируемый период наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны – стремление соответствовать экономическим и социальным реалиям общества, а с другой – неоднократные попытки заменить экономические стимулы производства неэкономическими, в том числе в форме уголовного преследования. Однако некоторые решения (например, детализация преступлений в дореволюционном Уложении, криминалистическая классификация хищений и др.) заслуживают внимания и современных юристов.

Список литературы: 1. Багрий-Шахматов Л.В. Організована злочинність та корупція // Вісн. Одеськ. ін-ту внутр. справ. – Одеса, 1999. – № 2. – С. 3-14. 2. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права (1917-1947 гг.). – М.: Юриздат, 1948. – 464 с. 3. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 372 с. 4. Громов В., Голунский С., Тарасов-Родионов П. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. – М.: ОГИЗ, 1936. – 127 с. 5. Есипов Б.В. Уголовное право. Часть особенная. – Вып. 2. Преступления имущественные. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1895. – 101 с. 6. Завальнюк В. Принцип історизму в право- і державознавстві // Право України. – 1998. – № 2. – С. 21-23. 7. Краткий курс русского уголовного права. – К.: Тип. “Петр Барский”, 1908. – 256 с. 8. Литвак О.М. Державний контроль за злочинністю. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харків, 2002. – 39 с. 9. Матусовский Г.А. Экономические преступления: криминалистический анализ. – Харьков: Консум, 1999. – 478 с. 10. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – 516 с. 11. СЗ СССР. – 1934. – № 41. 12. Тарасов-Родионов П., Ласкин М. Расследование дел о растратах и подлогах. – М.: ОГИЗ, 1935. – 80 с. 13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по изданию 1866 г. / Сост.: Н.С. Таганцев. – Спб.: Кн. маг. для иногород. – 1873. – 783 с.

Надійшла до редакції 09.09.2003 р.

УДК 343.98

Я.Е. Мышков, прокурор
Балаклейский р-н Харьковская обл.

КООРДИНАЦИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов в

процессе расследования преступлений имеет большое значение, так как в значительной мере обеспечивает быстроту и эффективность расследования. В криминалистической литературе взаимодействие рассматривается как взаимная совместная координационная деятельность нескольких органов, имеющая своей целью решение различных задач по расследованию и предупреждению преступлений. В криминалистической литературе рассматриваются главным образом общие проблемы взаимодействия. Взаимодействие же следственных и оперативно-розыскных органов при расследовании взяточничества практически не исследовалось.

Проблема взаимодействия при расследовании преступлений по своему содержанию и целям является ядром такого раздела криминалистической тактики, как планирование и организация следственной деятельности, включающая в число своих первоочередных задач взаимодействие названных органов.

Размежевание функций следственных и оперативно-розыскных органов, секретный характер деятельности последних не позволяли определять их четкую регламентацию, формы и методы такой деятельности. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство Украины в отдельных своих нормах определяло право следователя давать поручения и указания о проведении оперативно-розыскных действий органами дознания, что являлось свидетельством их взаимодействия как одной из эффективных форм деятельности. Последнее объяснялось тем, что оперативно-розыскная деятельность, как специфический вид деятельности, имеет закрытый, разведывательный характер и выполняется только определенными органами. В этом смысле правильно отмечается в криминалистической литературе, что оперативно-розыскные меры имеют непроцессуальный, преимущественно разведывательный (поисковый) характер и осуществляются специальными средствами [См.: 1, с. 209].

При исследовании форм и методов взаимодействия ученые-криминалисты высказывают различные мнения. Например, одним из наиболее общих видов взаимодействия называется координация деятельности правоохранительных органов [См.: 5, с. 223-225]. К формам такого вида взаимодействия относят достаточно широкий круг действий, характеризующих деятельность государственных органов по борьбе с преступностью. Они включают: межведомственные оперативные совещания, обмен информацией, разработку совместных докладов о состоянии преступности, основных направлениях и результатах борьбы с нею.

Подобные определения видов взаимодействия вызывают возраже-

ния некоторых правоведов. Названный вид взаимодействия, по мнению Г.А. Матусовского, по своему смыслу и содержанию не может быть отнесен к криминалистическим, так как более всего тяготеет к организации борьбы с преступностью на общегосударственном уровне и предполагает решение общестратегических задач и форм такой деятельности. Что же касается координации, то она по своему смыслу и наименованию представляет не вид деятельности, а процесс осуществления взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов в борьбе с преступностью. Рассматривая отдельные формы взаимодействия, Г.А. Матусовский разделяет их на две по числу решаемых вопросов.

К первой форме он относит следующее:

а) передачу следователю материалов при выявлении путем оперативно-розыскных мер признаков преступления для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

б) проведение следователем процессуальных действий одновременно с осуществлением органом дознания согласованных оперативных мер;

в) проведение оперативно-розыскных мероприятий по делу, по которому лицо, совершившее преступление после передачи этого дела следователю не установлено;

г) выполнение поручений следователя относительно проведения розыскных действий;

д) осуществление мер по установлению лица, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого после приостановления предварительного следствия;

е) получение информации и документов по расследуемому делу.

Вторая форма взаимодействия по мнению ученого, включает:

а) совместную разработку версий, а также планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

б) организацию следственно-оперативных групп, в состав которых входят следователи и работники оперативно-розыскных органов. При этом указывается, что названная форма получила наибольшее распространение как одна из наиболее эффективных, особенно при расследовании сложных многоэпизодных преступлений, совершаемых организованными преступными группами [См.: 6, с. 174].

Представляется, что приводимая классификация является недостаточно четкой, размытой, содержащей однотипный характер действий. Более логичной может быть названа классификация форм взаимодействия по таким основаниям, как (а) планирование деятельности и (б) ее организация.

В соответствии с этим к первой форме взаимодействия относятся вопросы, связанные с планированием расследования, в процессе которого рассматриваются выдвигаемые версии, анализируются их обоснованность, возможность проверки, устанавливаются первоочередные обстоятельства, подлежащие выяснению, определяется характер следственных действий и оперативно-розыскных мер, которые будут осуществляться в процессе реализации плана. Здесь же в ходе совместных совещаний решаются вопросы о проведении тактических операций как наиболее эффективной формы решения задач расследования.

Вторая форма взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов состоит в деятельности, связанной с реализацией плана расследования. В ходе реализации этой формы решаются вопросы организации последнего, в частности, формирование следственно-оперативных групп, распределение сотрудников в соответствии с задачами плана для выполнения отдельных функций, распределение участников следственно-оперативных групп для расследования отдельных эпизодов преступления и выполнения других заданий. Реализация плана также предполагает совместное участие в производстве отдельных следственных действий и тактических операций.

Приведенные формы не только взаимосвязаны, но и динамичны, т.е. избранные планы могут корректироваться, способы их осуществления соответственно меняться. В процессе реализации план может оказаться несостоятельным, проведенные мероприятия – нерезультативными [См.: 3, с. 135, 136]. В подобных случаях необходимо выдвижение новых версий и расширение объема следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Взаимодействие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, предполагает *сотрудничество* правоохранительных органов в борьбе с преступностью, причем методами, строго регламентированными законом.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 114 УПК Украины следователь по расследуемым преступлениям имеет право давать органам дознания поручения и указания о проведении розыскных и следственных действий. Такие его поручения и указания для этих органов являются обязательными. Закон предусматривает, с одной стороны, права следователя, с другой – обязанности органов дознания и регулирует таким образом характер их взаимодействия и взаимоотношений в процессе расследования преступлений.

Своеобразной новеллой в законодательстве является новый закон "Об оперативно-розыскной деятельности", предусматривающий обязанности оперативно-розыскных органов [8], в котором прямо указано,

что подразделения, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, обязаны выполнять письменные поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мер, осуществляя *взаимодействие* между собой и иными правоохранительными органами с целью быстрого и полного раскрытия преступлений и установления виновных.

Наиболее широкое взаимодействие между следственными и оперативно-розыскными органами осуществляется в процессе производства отдельных следственных действий, хотя следует отметить, что многие из них, такие, например, как обыск, выемка, следственный эксперимент и допрос, нередко подготавливаются целой серией оперативно-розыскных действий, дающих важную информацию, определяющую характер и время предстоящих действий. В отдельных случаях, следователи, обладающие оперативной информацией, могут более целеустремленно проводить допрос, определять возможные места сокрытия и характер искомого при производстве обыска и др.

Специфика взаимодействия определяется двумя факторами: а) видом расследуемого преступления; б) следственной ситуацией, которая складывается на определенном этапе расследования. Поэтому взаимодействие и тем более координация деятельности следственных и оперативно-розыскных органов может иметь место на различных этапах расследования в связи с основаниями для возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем в зависимости от вида преступной деятельности, взаимодействие осуществляется на различных этапах расследования в связи с необходимостью и прогнозируемой результативностью его осуществления.

К примеру, при расследовании преступлений в сфере экономики взаимодействие указанных органов, как правило, начинается на наиболее поздних этапах расследования, когда определенные нарушения и злоупотребления повлекли за собой преступные проявления и они обнаружены в результате проверок, ревизий, заявлений контрольно-ревизионных органов.

Наряду с названными обстоятельствами, требующими взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов, имеют место преступления, где деятельность следователя начинается с анализа материалов, выявленных оперативным путем, и продолжается в течение значительного периода расследования. К таким преступлениям относится взяточничество, при возбуждении уголовного дела относительно которого в период расследования взаимодействие с оперативно-розыскными органами может быть наиболее эффективным.

Иллюстрацией этого положения может быть уголовное дело по обвинению Блинова В.И. в преступлении, предусмотренном ст. 168, ч. II УК Украины. Блинов В.И., работая старшим инспектором Харьковской таможни, т.е. являясь должностным лицом, в течение длительного периода времени путем вымогательства получал от заведующего отделом по туризму туркомплекса "Турист" Ивахненко Л.Н. взятки за оформление грузовых таможенных деклараций на выезд туристических групп в Польшу. Негласной проверкой заявления Ивахненко Л.Н. было установлено, что Блинов В.И. получал взятки систематически, вымогая их ссылкой на то, что предоставляемые документы имеют недостатки по оформлению (хотя таковых не было), что может быть препятствием для проезда граждан в Польшу. По поручению следователя оперативно-розыскное подразделение осуществило действия, связанные с проверкой фактов взяточничества и предоставило материалы относительно нескольких эпизодов. В процессе допросов Блинов В.И. признал себя виновным и был осужден. В данном случае взаимодействие следователя с оперативно-розыскными работниками осуществлялось с начала расследования. [Из практики прокуратуры г. Харькова, 1993 г.].

Как ранее отмечалось, при расследовании взяточничества основанием для возбуждения уголовного дела могут быть материалы, полученные в результате проведения оперативно-розыскной деятельности. Снова обратимся к примеру из практики. В прокуратуру г. Харькова от УСБУ по Харьковской области поступили материалы о фактах вымогательства и получения взяток за отгрузку кирпича директором кирпичного завода "Комсомолец". Ввиду данных о том, что предметом взятки являлись крупные суммы денег (1000 дол. США), уголовное дело было возбуждено по признакам ст. 168, ч. 3 УК Украины. Поводом для организации оперативных действий послужило заявление в УСБУ от предпринимателя Воронкова В.Д. о вымогательстве у него взяток за получение кирпича директором кирпичного завода Петрашкиным А.Е. Оперативными данными (прослушиванием телефонных разговоров, записанных на магнитофон, и передачей взятки в кабинете у директора, впоследствии при задержании обнаруженной в кармане Петрашкина А.Е.) было установлено, что действия директора содержали признаки вымогательства и получения взяток. В процессе расследования следователем был проведен ряд следственных действий, предусмотренных заранее составленным планом. Например, в ходе личного обыска при задержании и последующих обысков на квартире и в служебном кабинете Петрашкина А.Е. были установлены данные, подтверждающие заявление предпринимателя. Проведение допросов

сослуживцев и подчиненных директора показало, что тот систематически злоупотреблял своим служебным положением, безответственно относился к своим служебным обязанностям. Факты получения взяток у других лиц не подтвердились, однако были доказаны факты получения взяток от Воронкова В.Д. В процессе проведения очной ставки Петрашкин А.Е. признал себя виновным в получении взяток. [Из практики прокуратуры г. Харькова, 1995 г.].

Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов особенно важно при производстве отдельных следственных действий. Следует отметить, что их комплекс определяется как видом преступления, так и следственной ситуацией, которая складывается на определенном этапе расследования. В этом отношении можно выделить традиционные следственные действия, относящиеся к определенному виду преступлений. Эти комплексы обусловлены теми характеристиками (в том числе уголовно-правовой, криминологической и криминалистической), которые присущи этому или иному виду преступления.

При расследовании взяточничества приоритет отдается таким следственным действиям, результаты которых могут дать более важную доказательственную информацию. К их числу можно отнести осмотр и выемку документов, подтверждающих незаконные распоряжения и действия, выполненные за предоставленную взятку. Такую же информацию можно получить при производстве обыска, в ходе которого могут быть обнаружены не только переданные ценности и деньги, но и документы (записи, письма, сберегательные книжки и др.), объясняющие характер взаимоотношений преступников, их связи, договоренности и др.

В комплексе рассматриваемых действий важно установить очередность их производства, которая в общем определяется следственной ситуацией и логикой расследования, предполагающей не только последовательное накопление доказательственной информации, но в отдельных случаях и прерывание этой цепи внезапным проведением какого-либо неотложного следственного действия – обыска или назначения какой-либо экспертизы в целях установления идентичности личности по оставленным следам рук на предметах взятки. Подобная последовательность должна быть прогнозируема следователем с учетом анализа имеющихся материалов дела и их оценки.

Например, при производстве такого первоначального действия, как обыск, что при расследовании взяточничества может дать важную доказательственную информацию, взаимодействие следователя с оперативно-розыскными работниками является неременным условием. При этом важно, чтобы последние участвовали не только в его проведении,

но и в подготовке. Так, следователь дает поручения оперативно-розыскным органам о выяснении данных о месте предстоящего обыска, о проживающих там лицах, о подозреваемом или обвиняемом, их образе жизни, связях, интересах. Сведения, получаемые негласным путем, способствуют планированию предстоящего обыска и его организации (выбор времени, числа участников, состав необходимой охраны, определение типа обыска — одиночный или групповой, определение характера искомых объектов и мест их возможного сокрытия и т.д.). Выяснение данных о месте обыска (расположение квартиры, возможные входы и выходы, надворные постройки, наличие подвалов, встроенных сейфов, чердачных помещений и т. п.) позволяет более целенаправленно проводить его, экономя силы и время. [Более подробно о производстве обыска см.: 2; 4; 7; 9; 10]. Таким образом, взаимодействие указанных лиц гарантирует и целеустремленность, и результативность обыска.

Более широкий характер взаимодействие приобретает при производстве групповых обысков, целью которых является *одновременный* поиск в различных местах объектов, имеющих значение для раскрытия преступления. При расследовании взяточничества такие обыски могут иметь место в случаях получения данных о группе лиц, организовавшихся для получения взяток в таможенных органах, в органах налоговой службы, в банках и их подразделениях. Особенности подобных обысков является оперативная информация о результатах последних с целью организации таких действий, как преследование преступников по горячим следам, производство допросов, выемок, обысков у соучастников в других городах, наложение ареста на имущество.

В практике расследования взяточничества нередко имеет место производство такого следственного действия, как выемка документов, так как последние являются одними из важных доказательств, подтверждающих незаконные приказы, а в банковских структурах — незаконное проведение денежных операций. Поскольку при производстве выемки эти документы пытаются уничтожить (в особенности компьютерные данные), оперативные работники должны приостановить допуск к различным документам, независимо от их вида и формы запечатления, с тем чтобы следователь мог приступить к их осмотру и в случае надобности — к выемке. В этих случаях он должен ориентировать оперативных работников относительно возможности уничтожения документов в целях предупреждения их утраты.

При расследовании взяточничества достаточно редко, однако, имеют место случаи производства следственного эксперимента. Его проведение может быть в тех случаях, когда проверяются показания

свидетелей, вызывающие сомнения в своей правильности или правдивости, или когда имеет место оговор и его опровержение возможно проведением следственного эксперимента.

Взаимодействие необходимо и при производстве такого следственного действия, как проверка показаний на месте. При расследовании взяточничества она осуществляется в тех случаях, когда в показаниях взяткодателя или свидетеля наличествуют противоречия или они по своему содержанию противоречат другим обстоятельствам, установленным по делу. Эта проверка имеет своей целью сопоставление ранее полученных показаний с обстановкой, в которой происходило преступление. Подобное действие является эффективным средством проверки правильности показаний, а также установления лжи.

Обратимся к примеру из практики. При расследовании фактов получения взяток начальником налоговой службы одного из районов г. Харькова проверкой показаний на месте был установлен факт оговора последнего. Так, некий З. заявил о том, что им дана взятка начальнику налоговой службы в размере 1 тыс. дол. США за уменьшение суммы налога вдвое от насчитанной. При допросе его следователь установил грубые противоречия в показаниях З., который неправильно описывал внешность взяткополучателя, неверно указал адрес учреждения, где он передавал взятку, и др. В целях установления истины следователь провел проверку показаний на месте. Совместно с оперативно-розыскными работниками и в присутствии понятых он предложил заявителю указать место расположения кабинета начальника налоговой службы, сообщив ему при этом цель проводимого действия. Оказалось, что З. не помнит даже адреса учреждения. Дальнейшие действия по проверке показаний привели к таким неожиданным результатам: заявитель не сумел не только описать обстановку кабинета, но и не узнал начальника, вошедшего в кабинет по окончании следственного действия, заявив, что этого гражданина он видит впервые. Неожиданность производства этого действия не позволила З., оговорившему начальника налоговой службы, подготовить свои показания и оговор был разоблачен. [Из практики прокуратуры г. Харькова, 1998 г.].

Обращаясь к такому действию, как тактическая операция, которая по своему содержанию представляет комплекс следственных и оперативно-розыскных действий, следует отметить, что взаимодействие здесь заложено в самом смысле ее осуществления, так как иное (например, последовательность проводимых действий) не могло дать наиболее оптимальных результатов. Тактические операции, различающиеся по целям, форме и способам осуществления при расследо-

вании таких преступлений, как взяточничество, могут быть эффективными при условиях, соблюдение которых в известной мере гарантирует достижение поставленной цели. К таким условиям относятся:

- а) составление плана тактической операции;
- б) определение комплекса действий – как следственных, так и оперативно-розыскных;
- в) размежевание функций каждого участника;
- г) назначение времени производства операции с учетом момента внезапности;
- д) прогнозирование ее возможных результатов, чтобы в случае их отсутствия, перейти к производству иных действий в целях экономии сил и средств следственного и оперативного аппаратов. Проведение подобных организационных действий, предваряющих осуществление тактической операции, позволяет предусмотреть возможные недостатки в ее организации и сделать более целеустремленной.

Как показывает анализ следственной практики расследования взяточничества, тактические операции используются крайне редко, следователи вместо них предпочитают последовательное проведение отдельных следственных действий, которые по своему назначению и времени проведения нередко нарушают логику поиска доказательств, подтверждающих выдвинутую версию. Эта последовательность нередко влечет за собой потерю информации, создает временной потенциал для преступников, используемый для сокрытия или уничтожения доказательств (документов, денег, ценностей), запугивания возможных свидетелей и т. п. В этом отношении проведение тактических операций способствует не только быстрой получению необходимой информации, но и устранению предпринимаемых препятствий для ее получения.

Рассмотрение названных в статье вопросов позволяет прийти к следующим выводам:

- а) взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов при расследовании взяточничества является необходимым условием, обеспечивающим эффективность расследования;
- б) форма взаимодействия определяется в зависимости от криминальной ситуации;
- в) наиболее эффективной формой взаимодействия является проведение тактических операций.

Список литературы: 1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3-х т. – Т. 2. – М.: Юрист, 1997 – 480 с. 2. Денисюк С.Ф., Шепитько В.Ю. Обыск в системе следственных действий. – Х.: Консум, 1999. 3. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. – Х.: Консум, 2000. 4. Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю. Обыск: тактика и

психология: Учеб. пособие. – Харьков, 1997. 5. Криминалістика: Учебник / Под ред. Шепитько В.Ю. – Х.: Одиссей, 2001. 6. Криминалістика: Учебник / Под ред. Шепитько В.Ю. – Х.: Право, 1998. 7. Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. – М., 1971. 8. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон України от 18.02.1992 г. // Відом. Верхов. Радн України. – 1992. – № 22. – Ст. 303. 9. Попов А.В. Тактические приемы поиска вещественных источников доказательственной информации. – Алма-Ата, 1976. 10. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. – М.: Госюриздат, 1961.

Надійшла до редакції 08.09.2003 р.

УДК 341.21

О.В. Тарасов, канд. юрид. наук, доцент
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИНДИВИДА В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Проблема человека как субъекта международного права является одной из наиболее сложных в современной международно-правовой науке, что вызывает, в свою очередь, неоднозначную и противоречивую межгосударственную практику. Еще менее разработанным в отечественной научной литературе является вопрос об эволюции научной мысли в области международной правосубъектности индивида. Так, практически отсутствуют специальные работы, посвященные комплексному исследованию взглядов древнегреческих мыслителей в этой сфере исследований. В лучшем случае юристы-международники ограничиваются лишь кратким упоминанием мнений Платона и Аристотеля, а также Сократа и стоиков об отношениях греков с варварами [См.: 2, с.29, 30]. Цель данной статьи – путем системного анализа произведений философов, ученых и политических деятелей Древней Греции V – II вв. до н.э. показать основные направления правовой мысли, которые явились идейными истоками последующих дискуссий в области международной правосубъектности индивида.

Благодаря бессмертным произведениям Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия и других древнегреческих ученых последующие поколения смогли не только узнать о существовании уже в тот период норм международного права, но и об отношении великих мыслителей древности к самой сущности современного им международного права. Именно в Древней Греции мы встречаем рационалистическое обоснование целого ряда институтов международного права, в том числе института международной правосубъектности. Среди всего разнообразия древнегреческой мысли, затрагивающей проблематику международной правосубъектности индивида, следует выделить